

ОТЗЫВ

члена диссертационного совета на диссертацию Дудина Павла Николаевича на тему: «БУФЕРНАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: ЯПОНСКИЕ МОДЕЛИ И ИХ ПРАКТИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ В СЕВЕРНОМ И ВОСТОЧНОМ КИТАЕ В 1935-1945 ГГ.», представленную на соискание ученой степени доктора политических наук по научной специальности 5.5.1. История и теория политики.

Актуальность темы диссертационного исследования определяется рядом причин как политических – глубокой трансформацией системы международных отношений, начавшейся после периода активной глобализации; сломом старого международного порядка как на глобальном, так и на региональном уровне; перемещением центра мирового развития в Восточную Азию и формированием международного порядка под влиянием политической культуры и традиций Восточной Азии; сохраняющимся соперничеством ведущих держав региона – Китаем и Японией, которое приобретает новые формы и все большую интенсивность; так и собственно научных – необходимостью уточнения и дальнейшей разработки категориального аппарата политической науки с учетом исторического опыта политического развития и новых реалий восточноазиатских стран, способных обогатить сформированные западной наукой представления о государстве, власти, международных отношениях и политическом, вообще. Не менее значимой задачей является восполнение пробелов знания об одном из ключевых периодов истории Восточной Азии на этапе вовлечения ее в глобальные процессы и формирования в регионе новых международных отношений. На всех этих направлениях диссертация внесла свой оригинальный вклад, решив или углубив понимание существующих проблем и поставив новые.

Практическое значение диссертации определяется возможностью использования исторического опыта в условиях слома старого и формирования нового международного порядка, включая его региональные версии, геополитического размежевания на евразийском пространстве,

особенно активного после 2008 г., появлением переходных государственноподобных образований на пространстве бывшего СССР и генезисом новых государств в других регионах мира.

Во введении автор подробно разбирает историографию проблемы, дает анализ существующих подходов, понятий и категорий, систематизирует и сравнивает их, буферная государственность изучается автором для понимания конструирования регионального политического порядка Восточной Азии (с.6), рассматриваются международные функции и судьба буферных государств (с. 5).

Не вызывает возражений рабочая гипотеза и обусловленная ею цель, как и задачи, направленные на ее достижение (с.13). Избранные автором методологические приемы соответствуют поставленным целям и задачам. О масштабах замысла дает представление поставленная автором задача идеологического обоснования регионального политического порядка (с.14), а также рассмотрение геополитического подхода как части плана по созданию идеального общества (с.16), что обосновывает рассмотрение в диссертации идеологической составляющей проектов создания буферных государств.

При обзоре литературы, выделении основных проблем, обосновании методологических подходов и их использовании автор демонстрирует глубокие знания и понимание предмета исследования.

Глава 1 «Теоретико-методологические основы регионального политического порядка в Восточной Азии» (сс.27-126) посвящена выработке методологического подхода и определению теоретической рамки исследования. Соискателем рассматриваются две идеологически обоснованные модели международного порядка паназиатская и социалистическая (с.41), отмечается, что социалистическая модель носит глобальный характер, а японская - региональным (с.42). В качестве инструментов создания регионального порядка, по мнению автора, могут выступать государственные буферные территории (с.46).

Показаны иерархия, взаимосвязь и отличия всего комплекса политических образований буферного характера, систематизированы их признаки, подробно рассматриваются и проводятся отличия между лимитрофом, фронтиром, буферной зоной, сателлитом, колониально зависимыми, марионеточными государствами, квазигосударством (сс. 50-52), системой мандатов и протекторатов (с.53), мандатных территорий и территорий под международной опекой (с.78), несостоятельными государствами и их отличиями от квазигосударств (с. 57), рассматривается место серых зон (с.61), а также концессии, сеттльменты и др. (с.98-102) дается подробный обзор существующих определений и признаков буферного государства, приграничья и приграничной территории (с.106), указывается, что слабость суверенитета в новых условиях не является угрозой (с.53). Автор приводит важные исторические примеры и аналогии буферных образований во Франкском государстве (с. 118), между Римской империей и Парфянским и Персидским царствами (с.119) вплоть до современных (сс.79-92, 95-97, 101-104, 108-116 и т.д.). Примеры из истории Британской и Российской империй показывают, что буферность является важной частью политики великих держав, особенно в периоды разграничения сфер влияния и определения границ. На восточноазиатских примерах автор показывает исторические, экономические и идеологические условия формирования буферности, обоснованность таких образований в определенные исторические периоды и необходимость их изучения.

В заключении главы П.Н.Дудин выделяет устойчивые признаки буферных государств (сс. 123-126), проводит важное в теоретическом отношении различие между буферным государством и буферной государственностью (сс. 125-126). Показан временный характер этих образований, что объясняет отсутствие устойчивого научного интереса к этой проблематике, важной, тем не менее, и для истории отдельных стран, и для теории международных отношений, и для практической политики как значимый фактор формирования политической реальности.

При известных, иногда очень больших, отличиях, автору удалось показать, что буферная государственность представляет собой типичное для 20 в. явление и поэтому может быть объектом теоретического анализа. Изучение распада государств и образования квазигосударств (с.58) особенно актуально сейчас и подтверждает переход мира от позитивной повестки и проблематики развития к негативной и проблематике разрушения и секьюритизации.

Во второй главе «Конкуренция идеологий и региональный политический порядок в Восточной Азии в первой половине XX в.» (с. 127-235) автор рассматривает идеологические концепции, претендующие на структурообразующую роль в регионе – буддизм, социализм и паназиатизм. Рассмотрение теократизации в Восточной Азии в начале 20 в. связано с гибелью империй и попытками заново организовать пространство на новых основаниях, этим вызвано повышенное внимание автора к роли буддизма в качестве влиятельного идеологического фактора в системе международных отношений в регионе. Значительную ценность представляет сравнение японской и советской модели создания буферной государственности, а также других государств, что повышает теоретическое значение работы. Автор делает вывод, что в основе этих моделей помимо геополитических лежали идеологические факторы, которые Япония затем использовала для создания таких государств в Южной и Юго-Восточной Азии.

В первых двух главах автор формулирует теоретические подходы и использует в последующих.

В завершающих главах «Буферные автономии в структуре политического порядка Северного Китая в 1935–1938 гг.» (с. 236-357) и «Буферная государственность и региональный политический порядок Северного и Восточного Китая в 1937–1945 гг.» (с. 258-484) соискатель реконструирует и анализирует исторический процесс создания буферных образований, их роль в Северном и Восточном Китае и на конкретном историческом материале решает важные теоретические проблемы.

П.Н.Дудин детально рассматривает автономии Восточного Хэбэя и Хэбэйско-Чахарскую, временное правительство и национальное правительство, делает частные обобщения (с.354). Значительное внимание уделено комплексному рассмотрению внутривластных и экономических аспектов формирования этих образований, что позволяет понять их природу, сделан вывод об эффективности буферных образований с точки зрения экономики (с.479), а их появление объясняется неэффективностью центральной власти, а не борьбой этих территорий за независимость (с.480).

Во всех разделах диссертационного исследования автор вносит уточнения в существующие представления, дает свою интерпретацию и, в некоторых случаях, собственное определение понятий и категорий – регионального порядка в Восточной Азии (с.65), буферной зоны (с.93) и др.

Приведена новая периодизация формирования регионального порядка в соответствии с заданными критериями.

Автор активно использует категории права применительно к международным отношениям в иной культурно-цивилизационной среде. Особенно ценно его внимание к нормам и правилам, которые задавались властными центрами даже при их непринятии международным сообществом (с.15). Соискателю удалось показать существенные отличия японской модели от западной практики, сохранив объяснительный потенциал западных теорий, не исказив в теоретическом отношении восточноазиатскую практику. Указание на специфику Востока подтверждает существование не только национальных практик международных отношений, но и обоснованность существования национальных теорий, особенно актуальных в условиях подъема Восточной Азии в первой половине 20 в., в первую очередь Японии, но и Китая, у которого исторически были и до сих пор сохраняются буферные пространства, например, активно функционирующие в рамках концепции «одно государство – два строя» Гонконг и Макао, а в перспективе и Тайвань. В известном смысле Китай повторяет путь Японии по созданию

благоприятного для себя регионального пространства, но в отличие от нее, не завоевывает, а отвоевывает свои территории у западного мира.

Тема исследования особенно важна для Китая, где до сих пор существуют собственные представления о государстве и суверенитете – «одно государство, два строя», специальные административные районы, национальные автономные районы, специальные экономические зоны и т.д. Исторический и политический анализ форм политий полезен для понимания специфики и представлений о политическом в Китае. Например, в Хэбэй-Чахарской автономии (с. 314) усматриваются все признаки концепции «одно государство – два строя», что говорит об особом понимании государства в Китае.

Научная новизна исследования не вызывает сомнений, даны определения ключевых понятий – регионального политического порядка, государствовподобного образования, буферной зоны и буферного государства. Разбор подкреплён ссылками на буферные государства в других частях света - Европе, Азии и Южной Америки в XIX – первой половине XX в., показана структурно-функциональная роль буферной государственности в региональном политическом порядке Восточной Азии.

Важным научным вкладом диссертации является восполнение исторических знаний о международной обстановке в регионе в указанный период, а также подробная социально-экономическая и политическая характеристика буферных образований в Северном и Восточном Китае, отсутствующая даже в специализированных работах по истории региона, которая уточняет и углубляет понимание основных проблем развития в тот период. История Китая, обычно рассматриваемая с точки зрения внутривосточного развития, гражданской и милитаристских войн, впервые представлена как элемент развития международной ситуации.

Работа содержит большой исторический материал, вводит в оборот новые источники и литературу, вклад диссертации в изучение истории Китая этого периода несомненен.

На протяжении всей диссертации автор умело пользуется методологическими подходами политической и исторической науки, что позволило ему создать целостную теоретическую модель регионального порядка в указанные годы.

Несмотря на высокий научный уровень, диссертация не лишена недостатков, обусловленных как сложностью поставленных задач, так и ограниченностью исторического материала, в значительной части еще недоступного исследователям.

1. Вызывает сомнения нижняя граница исследования (с. 17), Япония играла главную роль в создании Маньчжоу-го – с 1931 г., об этом пишет сам автор (с. 75). В действительности, Япония начала процесс экспансии на континент еще в 19 в. с Кореи, а затем последовательно продолжила этот внешнеполитический курс в отношении Китая (Маньчжоу-го, Северных провинций и других территорий) и других стран региона вне зависимости от того, какие политические режимы в них существовали, и как менялась международная обстановка. Следовало бы более подробно аргументировать или рассмотреть и проанализировать этот исторический опыт Японии. По этой же причине нельзя согласиться с утверждением соискателя, что сначала Советская Россия, и только потом Япония стала создавать буферные государства, решавшие схожие стратегические задачи, но, в отличие от советских, прекративших свое существование в августе 1945 г. (с.5).

2. Методологически верное сравнение японского и советского проектов не учитывает их природу, при совпадении цели – создании нового порядка, они базируются на разных принципах – геополитических и идеологических, роль и значение которых в каждом проекте отличается. Непонимание идеологического аспекта ведет к тому, что не проводится различие Российской империи и СССР, договор подписанный в 1907 г. считается основополагающим до окончаний второй мировой войны (с.195.), не учитывается влияние и последствия Синьхайской революции, первой мировой войны и Парижской мирной конференции, Октябрьской революции, отказа

СССР от неравноправных договоров, второй мировой войны и других событий. Так, после Октябрьской революции изменился субъект международных отношений, автор указывает, что СССР не стал правопреемником Российской империи (с.77).

3. Недостаточное знание истории Китая и стран региона и отсутствие ссылок на китайскую литературу и источники приводит к ошибкам в изложении событий и их интерпретации, что ведет к искажению реальной картины, например, в отношениях между Китаем, Великобританией и Тибетом (с.108-109.) Так, говоря о Тибете автор ссылается только на позицию Н.Керзона и англичан, считавших, что Тибет уже не является буфером. Позиция Китая, не подписавшего Симлскую конференцию (1914 г.), не представлена и не упоминается. Между тем автор утверждает, что наличие буферности определяется позициями обеих сторон (с.93).

4. Рассмотрение социалистического проекта не является предметом исследования и используется для более полного раскрытия темы, при этом допускаются ошибки. В 1925 г. не было идеи мирного сосуществования (С.170), которая появилась только на 20 съезде КПСС. В рассматриваемый период в СССР господствовали идеи мировой революции, пролетарского интернационализма, освобождения от колониализма, подтверждающие мироустроительный характер советской внешнеполитической доктрины. В этой системе Монголия была не буфером, а частью новой системы, воплощала новый тип отношений, что подтверждается и самим автором ссылкой на обращение новой монгольской власти не только к советскому правительству, но и Коминтерну (с.171).

Нельзя согласиться, что помощь СССР Монголии была продиктована прежде всего геополитическими соображениями (с.180), осуществлялся «экспорт идеологии» (с.168), чтобы Монголия не предпринимала попыток искать альтернативу советским отношениям (с.170). Такая мысль могла возникнуть только в современных условиях, под влиянием концепции «третьего соседа». В тех исторических условиях было общее представление о

путях развития в рамках социалистической мироустроительной концепции на основе общих ценностей, а не национальных интересов.

5. Уязвимо для критики утверждение, что после провозглашения Китайской республики в 1912 г. и затем победы Гоминьдана во главе с Чан Кайши, идеологические основы китайской государственности были не конкурентоспособными, уступали буддийской, коммунистической и паназиатской (с.235). В действительности, «три народных принципа» Сунь Ятсена были реалистичной идеологической платформой развития Китая, их признавала КПК и готова была сотрудничать на этой основе с ГМД и после окончания второй мировой войны. Буддизм, напротив, нигде не стал играть решающей роли сопоставимой с националистической (гоминьдановской) или коммунистической идеологией. В этой связи остро чувствуется недостаток рассмотрения освобожденных районов, контролировавшихся КПК, а также Мэнцзяна.

В вопросе паназиатизма, его зарождения и развития автор опирается на позицию американских, немецких и других ученых (с. 198, с.203), в этом ряду отсутствуют китайские, которые придерживались близких японским взглядов на будущее, например, Ли Дачжао, призывавший еще в 1916 г. к созданию Азиатской федерации.

Среди прочих недостатков следует отметить не всегда оправданное использование исторического иллюстративного материала, который отвлекает от логики изложения, затрудняет понимание выводов и логики автора. Некоторые исторические сюжеты не вписываются в хронологические рамки, не имеют отношения к теме диссертации и не нужны в научно-квалификационной работе (например, о буддизме в Южной и Юго-Восточной Азии (с.130-165), при соответствующей доработке они могут быть включены в монографию.

Нельзя согласиться с утверждением автора о том, что политика СССР в отношении Китайской Республики становится формальной (с.192), наоборот, Советская Россия оказывала помощь гоминьдановскому правительству

советниками, оружием и кредитами, в т.ч. после начала войны с фашистской Германией.

В работе собран, систематизирован и введен в оборот российской политической науки большой исторический материал. Автору удалось обосновать и сформировать оригинальный концептуальный подход (модель – с. 14), который предлагает исследователям международных отношений в Восточной Азии и внешней политики стран региона новую методологическую платформу и будет способствовать углублению знаний об истории международных отношений в регионе. Структура диссертации логична, направлена на достижение поставленной цели, выводы обоснованы.

Диссертация Дудина Павла Николаевича на тему: «Буферная государственность и региональный политический порядок в Восточной Азии: японские модели и их практическое воплощение в Северном и Восточном Китае в 1935-1945 гг.», соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 19.11.2021 № 11181/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Дудина Павла Николаевича заслуживает присуждения ученой степени доктора политических наук по научной специальности 5.5.1. История и теория политики. Нарушения пунктов 9 и 11 указанного Порядка в диссертации не установлены.

Член диссертационного совета
доктор политических наук, профессор кафедры теории
и истории международных отношений РУДН

А.В.Виноградов

30 марта 2023 г.

Подпись _____

удостоверяю _____

/В.С. Мухаметжанова/
Ученый секретарь Ученого совета
факультета гуманитарных и социальных наук
Российского университета дружбы народов

